

Раствориться в природе

Высоко ценимое в литературоведческих кругах издательство «Согласие» выпускало прежде лишь книги писателей-эмигрантов. Георгий Иванов, Ходасевич, Газданов, Берберова... Многие из вышедших здесь книг ранее были вообще не доступны российскому читателю. Большим событием как литературной, так и общественной жизни стал выход (в 1996 году) в «Согласии» полного текста мемуаров А.И.Солженицына «Бодался теленок с дубом».

И вот впервые в этом издательстве вышла книга, никак не связанная с «литературой изгнания». Биографическое сочинение «Жизнь Н.А. Заболоцкого» написал сын поэта **Никита Николаевич Заболоцкий**. По своей основной профессии автор книги - биохимик, но вот уже много лет он всерьез изучает жизнь и творчество своего отца, время от времени публикуя в печати новые материалы исследований. Эта книга должна была выйти в нашей стране еще в начале 90-х, но известные политические и экономические события помешали ее публикации. В результате биография великого русского поэта впервые увидела свет в Великобритании, на английском языке, да еще в сокращенном виде. В очередной раз, увы, сбылись слова Пушкина: «Что нужно Лондону, то рано для Москвы». Фундаментальное (без умолчаний) жизнеописание Николая Заболоцкого было не ко двору в советское время, а в постсоветскую эпоху его просто некому было издать на родине.

Наконец 600-страничный том вышел и в Москве. Случилось это в год 95-летия со дня рождения поэта, изображенного на суперобложке в венке из полевых цветов. Подобные лирические фото в жизни Заболоцкого было, кажется, совсем немного. Внешне он меньше всего походил на поэта, какими их принято представлять. Румяное лицо,

аккуратный пробор, простая строгая одежда, круглые очки... Чем не образцовый советский бухгалтер? По мнению биографа, даже в молодости, в пору увлечения авангардом, Заболоцкий удивлял богемную публику своим «положительным» видом. Однажды, находясь в увольнении (он проходил срочную службу в Ленинградской области), поэт выступал вместе с обзирателями прямо в военной гимнастерке и в ботинках с обмотками. Зрители, привыкшие к экстравагантностям Хармса и К°, сочли солдатскую форму поэтическим «маскарадом». Тем более что стихи молодой Заболоцкий писал озорные, гротескные:

*Сидит извозчик,
как на троне,
из ваты сделана броня,
и борода, как на иконе,
лежит, монетами звеня.
А бедный конь руками
машет,
то вытянется, как налим,
то снова восемь ног*

*сверкают
в его блестящем животе.*
Первый сборник поэта - «Столбцы» вызвал ярые споры критиков. В партийной печати книгу называли «буржуазной вылазкой». Серьезные литературоведы ее хвалили, находя в абсурдистских стихах Заболоцкого переключку с иронией Козьмы Прутков. А «высокое косноязычие» иных строк напоминало архаический пафос Державина.

В 30-е годы авангардистам в СССР приходилось несладко. Многие замолчали, кто-то ушел в детскую литературу. Заболоцкий начал заниматься переводами, в основном из грузинских лириков. Вообще все грузинское было в ту пору на особом счету - поговаривали даже, что русский перевод «Витязя в тигровой шкуре» редактировал сам Сталин!

Однако переводы с родного языка вождя не убергли Заболоцкого от ареста. Двух публикаций в бухаринских «Известиях» хватило для вынесения фантазматического (и столь обыкновенного в те дни)

приговора: «Участник правотроцкистского антисоветского заговора...»

Семилетней лагерной эпопее Заболоцкого посвящена в книге глава «Неволя». В заключении поэту удалось устроиться чертежником в конторе, и это, видимо, спасло его от гибели. Иногда он даже получал от родных и знакомых посылки с книгами. Русских поэтов XIX века в такой ситуации приходилось выдавать за советских - иначе книги отбирали. Изредка Заболоцкому встречались в ГУЛАГе люди, знающие его стихи. Возможно, это и помогло поэту выдержать кошмар сталинского лагеря...

В 1946 году Заболоцкий вернулся домой, но приказ нового ареста и нового срока сопровождал его еще лет семь. Он проявляет крайнюю осторожность в высказываниях, уничтожает старые рукописи, хранит «на всякий случай» старый зековский бушлат.

Но власть оставляет его в покое. Поэту разрешено снова заняться переводами («Слово о полку Игореве», грузинские классики) и понемногу печатать подборки собственных новых стихов. Зрелый Заболоцкий совсем не похож на раннего. На смену авангардистскому эпатажу и гротеску приходят раздумчивая традиционность и философский лиризм. В ровных и чуть торжественных строфах Заболоцкого оживают веко-

вечные мечты о полном слиянии человека с природой, растворении в ней:

*И голос Пушкина был
над листвою слышен,
И птицы Хлебникова
пели у воды.
И встретил камень я.
Был камень неподвижен,
И проступал
в нем лик Сквороды.*

«Новый стиль» Заболоцкого критика вновь встретила настороженно: как же так? Вместо живых людей, строителей социализма - абстрактные натурфилософские идеи, фигуры давно умерших писателей... нехорошо... Для поэта, однако, этот метод был единственной возможностью не лгать и в то же время печататься в «толстых» литературных журналах. Не со всеми их редакторами у него, впрочем, сложились хорошие отношения. Биограф вспоминает, что Твардовский буквально поднял на смех строчку Николая Алексеевича о лебедь - «животное, полное грез», сочтя ее «ребячеством». Зато с грузинскими поэтами, которых Заболоцкий изобильно переводил, у него, кажется, была самая горячая дружба.

Но обо всех дружеских контактах поэта сверхдобрительно следили «органы». В приложении к книге помещены материалы следственного дела и донесения «сексотов». В одном из таких тайных доносов, составленном незадолго до смерти Заболоцкого, написано: «агентурно характеризуется положительно».

Доверие властей к бывшему политзаключенному Заболоцкому оказалось столь высоко, что его отпустили в 1958 году с писательской делегацией за границу, в Италию. Первая зарубежная поездка стала для поэта, как глоток чистого воздуха, однако вскоре после возвращения домой он скончался.

Стихи же его по существу еще только начинали в ту пору свой триумфальный путь к читателю.